

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-545-565

Научная статья

Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения

О.С. Чикризова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

Saudi Model of Development for the Islamic World: Peculiarities and Limits

O.S. Chikrizova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Статья посвящена анализу саудовской модели развития для «мира ислама», которую Эр-Рияд начал активно продвигать после событий «арабской весны». Народные протесты в странах Ближнего Востока и Северной Африки, приведшие к сменам правящих режимов, открыли для государств региона перспективы трансформации собственных моделей государственности, и в этой связи такие крупные региональные игроки, как Саудовская Аравия, Иран и Турция, предложили собственные модели как образец для изменения политических систем и внешнеполитических курсов стран, охваченных народными волнениями.

Актуальность темы данного исследования определяется тем, что в настоящее время борьба за лидерство в регионе Ближнего и Среднего Востока, развернувшаяся между Саудовской Аравией и Ираном, достигла того уровня, когда соперники могут повлиять на выбор пути развития, в частности, Сирии, Ливана и Йемена. В этой связи чрезвычайно важно оценить предлагаемые Эр-Риядом и Тегераном модели, определить перспективы их имплементации.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей модели развития для «мира ислама», предлагаемой Саудовской Аравией, а также в оценке ограничений данной модели.

Автор использует как общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение), так и методы исторической науки (конкретно-исторический, сравнительно-исторический, историко-генетический методы) и религиоведения (каузальный анализ). Кроме того, с целью составления рейтинга государств — получателей помощи со стороны Эр-Рияда автор обратился к методологическому аппарату политических и экономических наук, в частности — к количественному анализу объемов помощи, направленной Саудовской Аравией на реализацию различных проектов в странах «мира ислама» в рамках программ содействия международному развитию. Таким образом, исследование носит междисциплинарный характер, что обусловлено многоаспектным характером предмета и задач исследования, а также кругом и характером привлеченных к работе источников.

В результате автор приходит к выводу, что Саудовская Аравия проводит прагматичную внешнюю политику, фактически не опираясь на исламские принципы. Однако Эр-Рияд направляет значительные финансовые ресурсы на реализацию программ содействия развитию государств «мира ислама» и религиозной дипломатии, в рамках которой важную роль играет продвижение собственной «версии» ислама — ваххабитской, а точнее — салафитской.

Среди главных ограничений саудовской модели автором выявлена нефть как основа модернизации, поскольку далеко не все государства обладают данным ресурсом и могут на его основе развивать собственную экономику; ваххабизм как «местечковое» учение, которое вряд ли может быть заимствовано странами «мира ислама», в которых традиционно господствовали более умеренные религиозно-правовые школы; абсолютную монархию как форму правления, даже с элементами демократии.

Ключевые слова: Королевство Саудовская Аравия, саудовская модель развития, «мир ислама», ваххабизм, внешняя политика, Мухаммад бин Сальман, хадж, политика «мягкой силы», религиозная дипломатия, Всемирная мусульманская лига, содействие международному развитию

© Чикризова О.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 545—565. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-545-565

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Saudi model of development for the Islamic world, which Riyadh started actively promoting after the “Arab Spring”. The popular protests in the Middle East and North Africa countries, which led to the changes in the ruling regimes, opened up prospects for the states of the region to transform their own models of statehood. In this regard large regional actors such as Saudi Arabia, Iran and Turkey proposed their own models as an example for possible changing political systems and foreign policy of countries affected by unrest.

The relevance of the topic of this study is determined by the fact that the current struggle for leadership in the Middle East, unfolding between Saudi Arabia and Iran, has reached a level where the rivals could influence the choice of development path of other countries, such as Syria, Lebanon and Yemen. In this regard, it is extremely important to assess the models proposed by Riyadh and Tehran, to determine the prospects for their implementation.

The purpose of the article is to identify the features of the development model for the Islamic world proposed by Saudi Arabia, as well as to assess the limitations of this model.

The author used both general scientific methods (analysis, synthesis, generalization) and methods of historical science (concrete historical, comparative historical, historical genetic methods) and religion studies (causal analysis). In addition, the methodology of political science and economics was widely used. A special focus was done on the quantitative analysis of the amount of aid sent by Saudi Arabia to implement various projects in the countries of the Islamic world as part of international development assistance programs, with the aim of forming a ranking of recipient states from Riyadh.

As a result of the study, the author came to the conclusion that Saudi Arabia pursues a pragmatic foreign policy strategy, in fact, not relying on Islamic principles. However, Riyadh is devoting significant financial resources to implementing programs to promote the development of the Islamic world and religious diplomacy, in which the promotion of its own “version” of Islam — Wahhabism, and more precisely Salafism, plays an important role.

Among the main limitations of the Saudi model the author identified oil as the basis for modernization, since not all states have this resource and can develop their own economy on its basis; Wahhabism as a “small-town” doctrine, which can hardly be borrowed by the countries of the Islamic world, in which more moderate religious schools have traditionally dominated; absolute monarchy as a form of government, even with elements of democracy.

Key words: Kingdom of Saudi Arabia, Saudi model of development, Islamic world, Wahhabism, foreign policy, Muhammad bin Salman, Hajj, “soft power”, religious diplomacy, World Muslim League, international development assistance

For citation: Chikrizova, O.S. (2019). Saudi Model of Development for the Islamic World: Peculiarities and Limits. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 545—565. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-545-565

«Арабская весна», охватившая «пожаром» переворотов, революций и гражданских войн регион Ближнего Востока и Северной Африки в конце 2010 г., создала плодородную почву для начала соперничества региональных держав, таких как Саудовская Аравия, Турция и Иран, за лидерство в «мире ислама» и реализацию собственных моделей развития для этого геостратегического пространства. Эти модели основаны на совершенно разных политических системах, предусматривают различные внешнеполитические курсы, но — что важнее — различное сочетание религии и политики, а также разные «версии» ислама — ваххабитскую суннитскую, умеренную суннитскую и шиитскую. От того, какая из моделей (или ни одна из них) одержит верх над остальными, будет зависеть и конфигурация трансформирующегося в настоящее время ближневосточного порядка. В этой связи тема данной статьи представляется чрезвычайно актуальной.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей и ограничений саудовской модели развития для «мира ислама». Это представляется важным в связи с тем, что именно эта модель сейчас, во-первых, наиболее активно продвигается, поскольку у Саудовской Аравии есть на это материальные ресурсы и политическая воля руководства; во-вторых, Королевство представляет собой экономически развитое государство, что не может не привлекать страны, стремящиеся к экономическому процветанию; наконец, вследствие доминирования суннитов в «мире ислама» именно суннитские модели развития в настоящее время наиболее интересны для изучения и оценки перспектив их имплементации.

Саудовская модель развития для «мира ислама» является слабо изученной темой и в российской, и в зарубежной историографии. Пожалуй, одним из единичных трудов на эту тему является статья турецких исследователей Б. Ду-

рана и Н. Йылмаза [2013], в которой рассмотрены некоторые черты моделей, продвигаемых Саудовской Аравией, Турцией, Ираном и — в перспективе — Египтом на Ближнем Востоке.

Более широко в российской и зарубежной историографии освещены особенности политической системы Королевства. В частности, они изложены и проанализированы в работах А.М. Васильева [1999], А.И. Яковлева [2011], Г.Г. Косача [2013b], М. аль-Рашид [Al-Rasheed 2007, 2010; Salman's Legacy... 2018]. Особенности внешней политики Королевства посвящены труды Г.Г. Косача [2013a] и Е.С. Мелкумян [Косач, Мелкумян 2003], Х.И. Аль-Али [Al-Ali 1998].

Исторические события, в ходе которых зародилось ваххабитское течение, ставшее впоследствии государственной религией Саудовской Аравии и легшее в основу саудовской модели развития для «мира ислама», а также направления современного ваххабизма анализируются в работах В.В. Наумкина [2018], Г.Н. Валиахметовой [2013], Н. Делонг-Ба [2010], М. аль-Рашид [Al-Rasheed 2007].

Проблема политизации хаджа изучается в работах Р. Бианчи [Bianchi 2004], Р. Эхтиари Амири, Х. Бинти Ку Самсу и Х.Г. Фереидуни [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011].

Политика «мягкой силы» и религиозная дипломатия Саудовской Аравии анализируется такими исследователями, как Дж. Галларотти и И.Й. аль-Филали [Gallarotti, Al-Filali 2012], П. Конеса [Conesa 2018] и С. Амгар [Amghar 2012].

Содействие международному развитию, осуществляемое Саудовской Аравией, является предметом исследования таких ученых, как Юи Ли [Yi Li 2019], Дж. Дорси [Dorsey 2018], Т. Ванг и С. Лин [Wang, Lin 2000] и К. Смит Диван [Smith Diwan 2009].

Особенности политической системы Саудовской Аравии

Королевство Саудовская Аравия является абсолютной монархией, где король принимает (или утверждает) все важнейшие политические решения, а члены правящей династии занимают ключевые посты в государстве.

Еще одним важным элементом политической системы Королевства являются улемы, среди которых выделяется клан Аль аш-Шейх — потомки

основателя ваххабитского религиозно-политического течения в исламе Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба.

Как отмечает А.И. Яковлев, в политической системе Саудовской Аравии существуют элементы демократизма, однако они иного рода, чем привычные нам западные: саудовский демократизм основывается на традициях племенной демократии и воле государства к построению более справедливого общества (исламский принцип *аль-‘адль*) с учетом реалий современного мира [Яковлев 2011: 51]. В этой связи примечательно, что в октябре 2006 г. в Саудовской Аравии был создан новый государственный орган — Комитет по принесению клятвы, фактически — совет влиятельных представителей различных кланов внутри семьи Аль Сауд, функция которого состоит в определении кандидата на трон (наподобие системы выборщиков в США). То есть, как отмечает Г.Г. Косач, «существовавшая ранее исключительная прерогатива правящего монарха самостоятельно назначать вторую фигуру национального политического истеблишмента перешла к коллективному органу — Комитету по принесению клятвы, состоящему из живых сыновей короля-основателя Ибн Сауда или представителей их семей»¹.

Важно подчеркнуть, что клятва верности (*аль-байя*) правителю, а также наследному принцу является традиционным для Королевства инструментом демонстрации поддержки и уважения избранному правителю со стороны остальных членов правящей семьи, а также религиозных и племенных вождей, поддержка которых служит важной опорой для существующего политического режима.

Конечно, механизм определения наследного принца никак нельзя назвать «выборами короля», но это, на наш взгляд, демонстрирует явный отказ от принципа абсолютизма, от самовластного решения правящего монарха. Это подтверждение всеохватывающего, тотального характера модернизации, которая затронула своими переменами все сферы жизни саудовского общества [Яковлев 2011: 54]. По нашему мнению, это также «реве-

¹ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: устав Комитета по принесению клятвы // Институт Ближнего Востока. 11 октября 2007. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6304> (дата обращения: 18.08.2019).

ранс» в адрес стран Запада и США, которые, несмотря на тесные партнерские отношения с Эр-Риядом, не гнушаются иногда напоминать саудовскому руководству о недостаточном уровне развития демократии в стране. Кроме того, данная система делает отсылку к суннитскому принципу избираемости халифа из числа наиболее достойных членов племени курайш: как гласит п. 2 ст. 5 Основного Низама (Положения) Саудовской Аравии, «и присягает наиболее благочестивый из них, вступая на престол, на Книге Всевышнего Аллаха и Сунне Его Пророка, да благословит его Аллах»².

23 января 2015 г. королем Саудовской Аравии стал Сальман бин Абдель Азиз Аль Сауд, сменивший на этом посту своего брата, короля Абдаллу. Не проведя на королевском троне и года, король Сальман начал проводить серьезные реформы в политической системе страны и осуществлять перестановки в государственном аппарате.

Самой важной реформой стал пересмотр принципа и порядка престолонаследия. 29 апреля 2015 г. вместо 69-летнего принца Мукрина бин Абдель Азиза, самого младшего из сыновей короля — основателя государства, наследным принцем был назначен племянник короля Сальмана, 55-летний принц Мухаммад бин Наиф. Прежний наследный принц был очень близок с покойным королем Абдаллой, однако его назначение в свое время вызвало внутриклановое противостояние в королевской семье: противники принца Мукрина апеллировали к его йеменскому происхождению по материнской линии и тем самым не считали его равным другим потенциальным наследникам престола³.

Наследником (заместителем) наследного принца король Сальман назначил своего сына Мухаммада бин Сальмана, который к тому времени уже занимал посты второго заместителя председателя Совета министров, главы Высшего комитета по делам экономики и развития, а также министра обороны страны и считался одним

из главных вдохновителей и разработчиков военной кампании Саудовской Аравии против хуситов в Йемене. Примечательным является тот факт, что впервые в истории королевства глава государства включил в порядок престолонаследия своего сына⁴. Данное решение монарха было поддержано большинством голосов членов Комитета по принесению клятвы (28 — «за», 4 — «против», 2 — «воздержался»)⁵.

Смена порядка престолонаследия вызвала неоднозначность оценок обстановки внутри семьи Аль Сауд. Во-первых, назначение наследным принцем внука основателя государства, короля Абдель Азиза Аль Сауда, усилило межклановое противостояние в королевской династии. Во-вторых, данное назначение, а также то, что заместителем наследного принца стал сын короля Сальмана, укрепило позиции правящего клана Судейри (скорее, вернуло ему власть, утраченную с приходом к власти короля Абдаллы из клана Шаммар) и еще больше обострило внутреннее противостояние, оставляя мало шансов на безболезненность последствий проведенных реформ.

Однако на этом перемены, инициированные королем Сальманом, не закончились. 21 июня 2017 г. было объявлено о лишении принца Мухаммада бин Наифа статуса наследника престола и назначении наследником Мухаммада бин Сальмана, более молодого принца, который уже фактически и является центральной фигурой в процессе принятия внутри- и внешнеполитических решений. Более того, Мухаммад бин Наиф также был отстранен от руководства Министерством внутренних дел, и на этот пост назначен племянник Мухаммада бин Наифа, принц Абдель Азиз бин Сауд бин Наиф.

Российский исследователь А.А. Кузнецов отмечает, что назначение наследника престола было «утверждено» Комитетом по принесению клятвы. «Именно утверждено, а не подготовлено, так как,

² Основной Низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия. Принят в 1992 г. URL: https://saudianews.ru/?page_id=2589 (дата обращения: 17.08.2019).

³ См.: Riedel B. Saudi palace intrigue sparks speculation // Al-Monitor, May 1, 2015. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/05/saudi-salman-succession-saudi-abdullah.html#> (accessed: 10.08.2019).

⁴ См.: Reforms or reset in Saudi Arabia? // Al-Jazeera, 03 May, 2015. URL: <http://www.aljazeera.com/programmes/insidestory/2015/05/reforms-reset-saudi-arabia-150501205300896.html> (accessed: 10.08.2019).

⁵ Saudi deputy crown prince gets 82% of allegiance council votes // Al-Arabiya, 30 April, 2015. URL: <http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2015/04/30/New-Deputy-Crown-Prince-got-28-out-of-35-at-the-Saudi-Allegiance-Council-.html> (accessed: 10.08.2019).

скорее всего, его члены узнали о воле короля в последний момент. Из 34 членов этого органа, состоящего из членов правящей семьи, против проголосовали трое»⁶, однако их имена неизвестны.

На протяжении 2015—2017 гг. Мухаммад бин Сальман проводил политику по снижению влияния улемов в Королевстве с тем, чтобы устранить главное препятствие на пути к дальнейшей либерализации в стране. Одной из мер в рамках данной кампании стало ограничение полномочий религиозной полиции. В свою очередь, улемы уже довольно серьезно дискредитировали себя связями с глобальным джихадистским движением.

В качестве следующего важного шага было проведено выделение государственной нефтедобывающей компании Saudi Aramco из структуры Министерства нефти и природных ресурсов. Управляет компанией Высший совет — орган в составе 10 человек, возглавляемый сыном короля, наследным принцем Мухаммадом бин Сальманом. Данное решение, направленное на то, чтобы компания могла действовать независимо от министерства и проводить более гибкую и эффективную политику, было одобрено Советом по вопросам экономики и развития, возглавляемым также Мухаммадом бин Сальманом.

Как известно, в Саудовской Аравии процессы модернизации основывались на доходах от добычи и продажи нефти, которая до сих пор является стержнем саудовской экономики. При этом экономическая система Королевства, являясь достаточно открытой, сильно зависима от колебаний цен на мировом рынке углеводородов, взаимоотношений с другими странами-экспортерами и от их действий, а также от изменяющихся потребностей стран — импортеров нефти.

Реализация исламского принципа справедливости *аль-‘адль* осуществляется в Саудовской Аравии посредством функционирования фонда будущих поколений, в который ежегодно перечисляется порядка 30% доходов бюджета. Данные средства покрывают расходы на образование молодых саудовцев, причем не имеет значения, обучаются они на родине или за рубежом.

⁶ Кузнецов А.А. О назначении нового наследника престола Саудовской Аравии // Институт Ближнего Востока. 25 июня 2017. URL: <http://www.iimes.ru/?p=35902> (дата обращения: 18.08.2019).

Таким образом, среди основных особенностей саудовской «модели» государственности можно выделить следующие:

— ведущую роль в политических процессах играет правящая династия Аль Сауд, насчитывающая более тысячи потомков основателя государства — Абдель Азиза Ибн Сауда. Представители королевской семьи занимают все ключевые посты в государстве; именно от них зависит процесс принятия политических решений, определение внутри- и внешнеполитического курса Королевства;

— значима роль улемов в управлении Саудовской Аравией, и здесь особняком стоит династия потомков основателя ваххабитской идеологии — семья Аль аш-Шейх, связанная с семьей Аль Сауд политическими, религиозными и династическими узлами (подробнее об этом говорится в следующем разделе статьи);

— стремясь сохранить суннитскую традицию общинного принципа передачи власти, а также создать видимость демократии, чтобы удовлетворить своих западных партнеров, в Саудовской Аравии организован Комитет по принесению клятвы — орган, уполномоченный определять кандидатуру будущего монарха. Однако, как показывает случай с назначением Мухаммада бин Сальмана наследным принцем в обход установленных принципов престолонаследия и без предварительных консультаций с Комитетом по принесению клятвы, позиция данного органа также может легко игнорироваться;

— справедливое распределение национального дохода соблюдается саудовским руководством в рамках реализации исламского принципа справедливости *аль-‘адль*.

Ваххабизм

Ваххабитская версия ханбалитского мазхаба является гарантией стабильности и выживания саудовского правящего режима, а также идеологией, на которой базируется саудовская модель развития для «мира ислама».

В конце XVIII в. Мухаммад бин Сауд, глава клана Сауд и султан Неджда, заключил пакт с проповедником Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом (1703—1792), подкрепив политический альянс династическим браком. Данный пакт, с одной стороны, «освящал» власть Мухаммада бин

Сауда, доходы которого неуклонно возрастали за счет поступления закята, и обосновывал с позиции религии необходимость полного подчинения воле политического лидера, а также возможность ведения завоевательной политики под лозунгом «священной войны». Выступление против режима династии Аль Сауд провозглашалось грехом, попранием принципа единобожия (*ат-таухид*) [Al-Rasheed 2007: 64]. С другой стороны, пакт гарантировал, что основатель ваххабизма получит политическую поддержку для ведения прозелитской деятельности; это фактически означало, что ваххабизм становится государственной религией Саудовского государства. Впоследствии признание ваххабизма государственной религией было закреплено в Основном законе Королевства.

Автор убежден, что провозглашенный М. ибн Абд аль-Ваххабом запрет на выступления против режима династии Аль Сауд можно рассматривать как идолопоклонство (*аш-ширк*), поскольку лишь *обожествление* кого-либо помимо Аллаха может являться нарушением принципа *ат-таухид*. Что касается повиновения земному правителю, то оно предписано Кораном: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас. Если же вы препираетесь о чем-нибудь, то верните это Аллаху и посланнику, если вы веруете в Аллаха и в последний день. Это — лучше и прекраснее по исходу» (Коран, сура «Женщины», аят 62 (59)⁷). Однако нарушение данного предписания не может рассматриваться как попрание принципа единобожия.

Таким образом, сложилась система, при которой изначально немногочисленный и не самый могущественный арабийский клан получил идеологическую поддержку в лице ваххабитского движения, которое, в свою очередь, получало в лице первого Саудовского государства⁸ мощного и быстро процветающего союзника. Друг без друга они не смогли бы так широко распространить свою власть — светскую и духовную соответственно. Так, клану Аль Сауд не доставало финансовых ресурсов и племенного или религиозного авторитета, чтобы расширить границы своего влияния за пределы крошечного анклава Ди-

рийя и обрести легитимность на территории Неджда. В свою очередь, Абд аль-Ваххабу не хватало политического авторитета, при помощи которого он мог бы безопасно распространять свое религиозное учение. Его предыдущая попытка получить в союзники шейха своего родного города, Унайзы, не увенчалась успехом: после разрушения сторонниками Абд аль-Ваххаба могилы Зайда ибн аль-Хаттаба, одного из ближайших сподвижников пророка Мухаммада, жители Унайзы отвернулись от зарождающегося ваххабитского движения, поскольку в то время почитание гробниц асхабов и мухаджиров было одной из важных форм религиозной практики мусульман Аравийского полуострова [Al-Rasheed 2010: 16—17].

На наш взгляд, именно альянс — политический, религиозный и родственник — семей Аль Сауд и Аль аш-Шейх цементирует существующую в Саудовской Аравии абсолютную монархию, делая правящую династию незыблемой, а ее власть — «освященной» самим основателем ваххабизма. Можно утверждать, что ваххабизм заменил в данном случае племенную лояльность, на которой раньше строились государственные образования и которая позволяла собирать многочисленные армии для осуществления завоеваний.

Однако важно отметить, что если в условиях существования первого Саудовского государства такой династический пакт позволял Мухаммаду бин Сауду и Абд аль-Ваххабу проводить военную и духовную экспансию на Аравийском полуострове, то в настоящее время, на наш взгляд, он обуславливает «местечковость» ваххабизма и узость его «социальной базы». Фактически ваххабизм актуален только для жителей Саудовской Аравии (и, возможно, Катара, который вскоре после заключения исторического союза стал объектом притязаний династии Аль Сауд), которые понимают и принимают условия данного пакта, верят в сакральность власти семьи Аль Сауд, без чего ваххабизм становится не чем иным, как классическим ханбалитским мазхабом. В этой связи автор убежден, что Саудовской Аравии чрезвычайно сложно заставить «мир ислама» поверить в универсальный характер ваххабитского учения.

Также автор уверен, что все прочие идеологии, базирующиеся на исламском фундамента-

⁷ Коран / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М., 1986. С. 86—87.

⁸ Существовало с 1744 по 1818 г.

лизме и буквалистской трактовке ислама, следует называть салафизмом, который имеет множество «оттенков» — от умеренного до радикального [Валиахметова 2013: 32—35], но не ваххабизмом. В противном случае мы попадаем в круговорот ложных трактовок понятия «ваххабизм», идя на поводу у журналистов, которые уже длительное время вторгаются в пространство востоковедной терминологии и порождают те дискурсы, которые вводят всех в заблуждение и засоряют научные изыскания. Называя все салафитские и джихадистские течения «ваххабизмом», мы постепенно забываем о тех исторических условиях, в которых зародилось и окрепло это религиозно-политическое течение. При этом, разумеется, автор не оправдывает деятельность Саудовской Аравии по финансированию различных экстремистских группировок, о чем будет сказано далее. Но, на наш взгляд, уточнение терминологии и приведение ее к единообразию лишь послужит на пользу востоковедению и отграничит подлинные научные изыскания от политизированной публицистики.

После провозглашения светской Турецкой Республики и ликвидации халифата Мустафой Кемалем Ататюрком шериф Мекки Хусейн ибн Али из династии Хашимитов объявил себя новым халифом, на короткое время вернув этот титул арабам — потомкам пророка Мухаммада. Однако после захвата Хиджаза Ибн Саудом в 1925 г. халифат хиджазских шерифов был ликвидирован. Поскольку Ибн Сауд был главой малочисленной и не самой могущественной группировки ваххабитов, а династия Аль Сауд не имела родственных связей с пророком Мухаммадом, Абдель Азиз Ибн Сауд не мог претендовать на титул халифа. Но в 1926 г. он созвал Всемусульманский конгресс, где смог добиться поддержки «мира ислама» и признания своей власти над Хиджазом и Недждом. Фактически это также означало закрепление за Ибн Саудом роли защитника двух мусульманских Святынь — Мекки и Медины [Наумкин 2018: 191], хотя официально титул «Хранителя Двух Святынь» был принят только королем Фейсалом, а король Фахд заменил этим титулом титул «Его Величество» только в 1986 г.

Таким образом, изучение исторических условий, при которых зародилось и окрепло ваххабитское учение, позволило автору доказать свой тезис о том, что ваххабизм является одной из главных опор современного саудовского государства.

Ниже мы обоснуем свой тезис о том, что ваххабизм является значимым элементом модели развития, предлагаемой Эр-Риядом в качестве примера развития для стран «мира ислама».

Особенности внешней политики Саудовской Аравии

Во внешней политике Саудовская Аравия также исходит из постулатов Корана и Сунны, «руководствуется идейными нормами ислама и содействует их повсеместному распространению и защите, опираясь на мирные и отвечающие духу современной эпохи методы» [Al-Ali 1998: 56]. При этом любопытно, что в официальных документах Королевства кораническая лексика встречается крайне редко, особенно если сравнивать частотность употребления данной лексики в документах оппонента Саудовской Аравии — Исламской Республики Иран. Во внешнеполитических документах Королевства встречаются термины, описывающие общечеловеческие ценности (справедливость, благочестие, равенство, солидарность исламской нации (уммы)), а также по одному разу такие исламские понятия, как «призыв» (*ад-да'ава*), «содействие дозволенному и отвращение от отрицаемого» (*аль-амр биль-ма'аруф ва ан-нахи ан аль-мункар*).

По нашему мнению, это свидетельствует о том, что Королевство выстраивает свою внешнюю политику не на основе «духа и буквы» исламской религии, а руководствуясь исключительно прагматическими интересами. Ислам для Саудовской Аравии выполняет прикладную функцию: правящему монарху очень удобно и выгодно, пользуясь статусом «Хранителя Двух Святынь», апеллировать к исламской идентичности государств, в которых на самом деле сосредоточены все внешнеполитические интересы Эр-Рияда, и обосновывать свои претензии на лидерство на Ближнем Востоке и в «мире ислама» тем, что исламское вероучение зародилось именно на территории Центральной Аравии, поэтому именно Саудовская Аравия обязана «защищать исламское вероучение»⁹.

Еще одним аргументом в пользу вышеозначенного тезиса автора является то, что ни в коми-

⁹ Статья 23 Основного Низама (Положения) Королевства Саудовская Аравия. Принят в 1992 г. URL: https://saudianews.ru/?page_id=2589 (дата обращения: 13.08.2019).

тете по внешней политике, ни в комитете по безопасности Консультативного совета (*Маджлис аш-шуро*) Саудовской Аравии нет ни одного улема ни в текущем созыве, ни в ряде прошлых созывов. Только один из членов комитета по безопасности текущего созыва имеет степень магистра исламского права — Абдалла Фахри аль-Ансари¹⁰. Таким образом, мы делаем вывод о том, что саудовское внешнеполитическое руководство не считает нужным советоваться с улемами относительно соответствия государственной внешней политики канонам исламского вероучения.

Однако власти обращаются к улемам тогда, когда необходимо найти исламское обоснование тем или иным непопулярным среди общественности шагам на международной арене. Так, например, в 2010 г. богослов Маджид бин Мухаммад аль-Мирсаль опубликовал труд «Увещающий» (*Ан-Назир*), в котором опровергал аргументы саудовской антисистемной оппозиции, в том числе касающиеся «противоречащей исламу» внешней политики Королевства, находя часто весьма натянутые оправдания тем внешнеполитическим решениям саудовского руководства, которые вызвали наибольший гнев у внутренней оппозиции [Косач 2013а].

Главной особенностью саудовского внешнеполитического курса является то, что в его основе лежит совокупность «неизменных принципов и норм» деятельности, начало которым было положено основателем современного саудовского государства [Косач, Мелкумян 2003: 9]. Исходя из этого, российские исследователи Г.Г. Косач и Е.С. Мелкумян выделяют следующие принципы внешней политики королевства:

- 1) достижение максимально возможного единства арабских и мусульманских стран («реализация мира между государствами ислама»);
- 2) солидарность с мусульманскими и арабскими государствами;
- 3) отказ от силового вмешательства во внутренние дела других государств [Косач, Мелкумян 2003: 10—17].

Внешняя политика Саудовской Аравии действительно носит охранительный характер, по-

скольку главной своей задачей Эр-Рияд провозглашает поддержание безопасности и стабильности — своей собственной, соседних государств и «мира ислама» в целом. Однако после усиления влияния Мухаммада бин Сальмана Королевство в своей внешней политике стало более непредсказуемым. Об этом свидетельствует вмешательство в гражданскую войну в Йемене и провоцирование дипломатического кризиса вокруг Катара — соперника Саудовской Аравии в регионе Залива и в суннитской части «мира ислама».

В основе соперничества между Саудовской Аравией и Катаром за региональное лидерство лежат принципиально разные стратегии сохранения статус-кво в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Для достижения конечной цели страны используют различный «инструментарий» в диапазоне от прямого военного вмешательства до ведения информационной войны. Что касается последней, то она проявляется в борьбе за «умы и сердца» жителей региона, которую ведут между собой катарская «Аль-Джазира» и канал «Аль-Арабийя», базирующийся в ОАЭ, но финансируемый Саудовской Аравией. Эти каналы, находящиеся в прямой конкуренции друг с другом, поддерживают политику своих покровителей, но выявить лидера противостояния пока очень сложно.

Внешнюю политику Саудовской Аравии также можно охарактеризовать как зависимую от обязательств Эр-Рияда перед стратегическими партнерами и ограниченную рамками членства в различных блоках типа Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Однако самое большое влияние на внешнеполитический курс Королевства оказывают Соединенные Штаты Америки, которые выступают гарантом безопасности региона Залива: Вашингтон обеспечивает спокойствие правящих в арабских монархиях режимов посредством базирования Пятого флота ВМС США в Персидском заливе, сети военных баз, а также посредством регулярных поставок передового оружия в страны региона. За свое содействие в деле обеспечения региональной безопасности США требуют безоговорочной поддержки своей ближневосточной политики. Более того, тесное сотрудничество с США, на наш взгляд, фактически парализует антиизраильскую борьбу целого ряда

¹⁰ Abdullah F. Ansari — CV // The Shura Council. URL: <https://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/ShuraEn/internet/cv/Abdullah+F.+Ansary/> (accessed: 11.08.2019).

арабских государств, которые только на словах защищают право палестинского народа на свое государство, а на деле давно ведут тайные переговоры с Израилем и имеют с ним деловые контакты.

Из вышесказанного также проистекает, что Саудовская Аравия практически без ограничений сотрудничает на международной арене с немусульманскими государствами, что часто вызывает недовольство и даже гнев внутренней оппозиции. Более того, в 1991 г. саудовское руководство допустило высадку американских военных на свою землю в ходе операции против Ирака, после чего в адрес правящей семьи последовали обвинения в том, что она позволила «ноге неверного» коснуться священной земли ислама.

Таким образом, мы приходим к выводу, что саудовская модель взаимодействия с международными акторами отличается прагматизмом, консервативно-охранительным характером внешнеполитической риторики, а также неограниченным исламскими принципами сотрудничеством с «неверными».

Политика «мягкой силы» и религиозная дипломатия Саудовской Аравии

Ошибочно полагать, что источником мощи и влияния Саудовской Аравии является исключительно экономическое могущество, основанное на нефти. Нельзя забывать о таком мощном ресурсе «мягкой силы», как информационное, культурное и религиозное наследие Королевства, являющегося одним из центральных как в арабском мире, так и — более широко — в «мире ислама».

«Аль-Арабийя» — один из ведущих СМИ, вещающих для арабоязычной аудитории Ближнего Востока. Как отмечают Дж. Галларотти и И.Я. аль-Филали, «канал ведет настойчивую кампанию в рамках публичной дипломатии, поскольку является частью согласованных усилий по доминированию в мире кабельного и спутникового телевидения в арабском мире» [Gallarotti, Al-Filali 2012: 248]. Этот канал также охватывает своим вещанием арабские общины по всему миру и передается по сети Dish и Direct TV в Соединенных Штатах. Таким образом, можно утверждать, что Саудовская Аравия обладает информационными инструментами продвижения своей модели развития в арабоязычном мире.

Однако самым главным инструментом политики «мягкой силы» Королевства является так называемая *религиозная дипломатия*, под которой, согласно мнению автора данной статьи, понимается деятельность государства по продвижению своих национальных интересов посредством распространения собственных религиозных ценностей. В данную деятельность вовлекаются различные религиозные институты либо организации, созданные с целью осуществления прозелитской или экуменической деятельности либо поддержки единоверцев, проживающих в странах с инорелигиозным большинством населения.

Среди задач религиозной дипломатии автор выделяет следующие:

- поиск мирного решения международных конфликтов и путей их предотвращения;
- развитие межрелигиозного и межконфессионального сотрудничества на глобальном уровне;
- развитие диалога между людьми разных вероисповеданий с целью устранения вражды между ними, преодоления «религиофобии» во всех ее проявлениях.

В рамках вышеуказанных задач в 2005 г. Саудовская Аравия предложила создать платформу для глобального межрелигиозного взаимодействия. Данная идея была воплощена в 2012 г., когда был образован Международный центр межрелигиозного и межкультурного диалога короля Абдаллы бин Абдель Азиза (King Abdullah Bin Abdulaziz International Center for Interreligious and Intercultural Dialogue, KAICIID¹¹) — межправительственная организация, целью которой является установление «диалога между людьми разных вероисповеданий и культур, что устраняет вражду, уменьшает страх и прививает взаимное уважение», а также «помогает бороться против предвзятости, укрепляет социальную сплоченность, поддерживает предотвращение конфликтов и может служить делу сохранения мира»¹².

Руководство KAICIID осуществляет совет, в который входят представители ведущих конфессий мира. Организация реализует программы содействия урегулированию конфликтов и достижению мира в Центральноафриканской Респуб-

¹¹ KAICIID official website. URL: <https://www.kaiciid.org> (accessed: 12.09.2019).

¹² Who we are // KAICIID official website. URL: <https://www.kaiciid.org/about-us> (accessed: 12.09.2019).

лике, Нигерии, арабских странах, помогает диалогу между различными конфессиональными группами в Мьянме, а также реализует меры по социальной адаптации беженцев-мусульман, бежавших от войны в страны Европы. Среди партнеров КАИСПД — Организация исламского сотрудничества (ОИС) и Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры (ИСЕСКО).

Однако у религиозной дипломатии, как и у политики «мягкой силы» в целом, есть и обратная сторона — это стремление распространить влияние своей религии на как можно большую территорию. Для этого Саудовская Аравия применяет различный инструментарий, тратя значительные средства на достижение собственных целей.

Во-первых, это строительство и содержание мечетей во всем мире. На эту деятельность Эр-Рияд тратит около 3 млрд долл. США в год¹³. Особенно активно данное направление развивалось в 1980—1990-е гг., но в последнее время в связи с ростом числа обвинений в поддержке, оказываемой саудовским руководством различным радикальным исламистским организациям, Эр-Рияд постепенно сворачивает подобную деятельность (главным образом в странах ЕС), передавая управление мечетями представителям местных мусульманских общин.

Во-вторых, в рамках политики «мягкой силы» Саудовская Аравия широко использует политику привлечения мусульман со всего мира в свои университеты, в первую очередь — с целью «воспитания» новых поколений мулл и имамов. В саудовских университетах также ведется преподавание светских дисциплин.

Университеты Королевства занимают высокие позиции в международных рейтингах высших учебных заведений. Так, британский QS World University Ranking, в рамках которого существуют также рейтинги вузов в отдельно взятых регионах, в 2019 г. включил три саудовских университета в ТОП-10 университетов Арабского Востока (1-е место — Университет нефти и минералов короля Фахда, 3-е место — Университет короля

Абдель Азиза, 4-е место — Университет короля Сауда)¹⁴.

Кроме того, Эр-Рияд финансирует исламские образовательные учреждения в различных регионах мира, в частности в странах Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Филиппины). Выбор данных государств обусловлен тем, что их исламские учебные заведения имеют незапятнанную репутацию, в отличие от исламских университетов Саудовской Аравии или египетского Аль-Азхара, которые неоднократно обвинялись в подготовке радикально настроенных улемов. В подобные учебные заведения бесплатно поставляется литература, содержащая фундаменталистскую версию ислама, местные преподаватели направляются на повышение квалификации в духовные учебные заведения Королевства для изучения арабского языка и основ исламского вероучения. Однако платой за такое спонсорство является преподавание саудовского, то есть ваххабитского, ислама как единственно верного. Наказанием за отступление от желания спонсора может быть увольнение из университета, и автору знакомы реальные примеры представителей академического сообщества, пострадавших от влияния саудовских нефтедолларов на образовательную сферу развивающихся стран.

В-третьих, Саудовская Аравия финансирует различные мусульманские партии и движения в Европе и других регионах посредством неправительственных фондов и организаций типа Всемирной мусульманской лиги (создана в 1962 г.), признанной ООН неправительственной организацией, о деятельности, составе и финансировании которой, однако, мало что известно. Всемирная мусульманская лига присутствует в 120 странах и контролирует около 50 основных мест отправления культа в Европе [Conesa 2018: 66] и зачастую выступает в качестве представительства Саудовской Аравии в странах, где отсутствуют дипломатические миссии Королевства. Всемирная мусульманская лига, как и все саудовские «гуманитарные» фонды, находится под контролем наследного принца, а великий муфтий Королевства возглавляет Учредительный совет данной организации [Conesa 2018: 68].

¹³ Amirah A. Diblumasiat al-masjid: bina' al-jawamie khidmatan lil-siyasa [Mosque Diplomacy: Building Mosques in the Service of Politics] // Noon Post. 10.05.2019. URL: <https://www.noonpost.com/content/27709> (accessed: 12.09.2019). (In Arabic).

¹⁴ QS University Rankings: Arab Region. 2019 // QS Top Universities. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/arab-region-university-rankings/2019> (accessed: 12.09.2019).

Наконец, важным инструментом религиозной дипломатии Саудовской Аравии является ее контроль над хаджем, ежегодным паломничеством мусульман, предписанным Кораном. Вопросам использования хаджа в интересах внешней политики посвящен следующий раздел данной статьи.

Таким образом, можно согласиться с мнением французского эксперта П. Конесы, который отмечает, что «религиозная дипломатия в Саудовской Аравии является механизмом, поддерживаемым политической системой, управляемой религиозной группой с планетарными амбициями — ваххабитскими улемами — и наделенной жесткой, но всегда приспособляемой идеологией, когда речь идет о спасении режима» [Conesa 2018: 14]. Королевство направляет ресурсы, сопоставимые с затратами на покупку современного оружия, на реализацию мероприятий в рамках политики «мягкой силы», главным образом посредством инструментария религиозной дипломатии, причем география распространения данной деятельности выходит далеко за границы «мира ислама».

Хадж

Кааба — самое сакральное место для мусульман всего мира, расположено в Мекке. Вокруг Каабы построена Запретная мечеть, которая сделала всю Мекку священным городом. Ежегодно около 1 млн 230 тыс. мусульман [Gallarotti, Al-Filali 2012: 239] со всего мира посещают Саудовскую Аравию с целью свершения хаджа — религиозного паломничества. В этой связи хадж — второй по объемам источник доходов для Саудовской Аравии: ежегодно паломники приносят в казну Королевства около 8 млрд долл. США¹⁵.

Саудовская Аравия использует хадж и свое право распределять квоты для паломников из разных стран мира как инструмент внешней политики и оказания давления на своих оппонентов на мировой арене, в первую очередь — на Иран. Однако поскольку нашей задачей является не ана-

лиз саудовско-иранских отношений в контексте хаджа, приведем лишь несколько примеров использования Эр-Риядом своей роли организатора хаджа для реализации внешнеполитических целей.

Иранские паломники составляют значительную часть людей, посещающих Саудовскую Аравию с целью совершения хаджа. При этом считается, что иранцы — одни из самых щедрых — даже «расточительных» — паломников [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011: 682].

Первый случай, когда хадж стал причиной обострения саудовско-иранских отношений, произошел в 1943 г., когда иранский паломник Абу Талиб Язди был казнен по обвинению в осквернении священной Каабы. Тогда произошел и первый в современной истории серьезный кризис в двусторонних отношениях, и паломникам из Ирана было запрещено посещать Саудовскую Аравию. Запрет действовал несколько лет [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011: 679].

В ноябре 1979 г., после победы исламской революции и провозглашения Исламской Республики Иран, во время хаджа иранские паломники организовали демонстрацию против «врагов ислама», в число которых входили США и Израиль [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011: 680]. Это заложило основы сначала тайного, а затем открытого противостояния между Эр-Риядом и Тегераном, которое продолжается до сих пор.

В 1984 г. аятолла Р.М. Хомейни бросил вызов властям Саудовской Аравии, призвав к общеисламскому суверенитету над святыми местами Мекки и Медины [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011: 680].

В 1987 г. произошел очередной скандал между Ираном и Саудовской Аравией по причине хаджа. 31 июля 1987 г. в результате столкновений между демонстрантами, возглавляемыми Ираном, и силами безопасности Саудовской Аравии погибло 275 и было ранено 303 иранских паломника [Ekhtiari Amiri, Soltani 2011]. Во время вспышки насилия Эр-Рияд обвинил Тегеран в том, что иранцы попытались захватить Запретную мечеть, чтобы объявить аятоллу Хомейни лидером мусульманского мира. Это стало худшим в своем роде инцидентом со времени исламской революции и привело к замораживанию двусторонних отношений, а затем и к полному их разрыву в 1988 г.

¹⁵ См.: Saudi Arabia: \$8.5 billion income from hajj expected // Al-Arabiya. August 26, 2014. URL: <https://english.alarabiya.net/en/business/economy/2014/08/26/-9-billion-income-from-hajj-expected.html> (accessed: 12.09.2019); The economics of the hajj // ACCA. July 01, 2018. URL: <https://www.accaglobal.com/an/en/member/member/accounting-business/2018/07/insights/economics-hajj.html> (accessed: 12.09.2019).

В свете вышеупомянутых столкновений между иранскими демонстрантами и силами безопасности Саудовской Аравии в марте 1988 г. Королевство прибегло к ограничению квоты на хадж для иранских паломников (1000 чел. на миллион жителей страны), что фактически сократило квоту Ирана до 45 тыс. чел. [Lunn 2003].

После восстановления дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном в 1991 г., которое стало возможным благодаря смягчению внешнеполитической риторики Тегерана, Эр-Рияд допустил к участию в хадже 115 тыс. иранских паломников, что было близко к установленному принципу распределения квот. Также в 1991 г. 3 тыс. иранских паломников было разрешено совершить умру («малый хадж») по святым местам, расположенным в Саудовской Аравии [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011: 683].

За последние годы саудовско-иранские отношения в очередной раз обострились по причине хаджа в 2016 г. Тогда в Саудовской Аравии был казнен шиитский проповедник Нимр ан-Нимр, вслед за чем на посольство Королевства в Тегеране было осуществлено нападение. По инициативе Эр-Рияда дипломатические отношения между странами были разорваны, и Саудовская Аравия вновь запретила иранским паломникам совершать хадж.

В ответ на действия Королевства Иран в очередной раз призвал мусульман по всему миру поддержать введение международного режима управления святыми местами Мекки и Медины¹⁶, однако данная инициатива пока не имеет других сторонников, кроме Тегерана. Более того, в 2018 г. Саудовская Аравия при поддержке Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) предприняла попытку оспорить у Иордании статус хранителя исламских святынь Иерусалима, главным образом — мечети Аль-Акса. Неслучайно, что это произошло после объявления о переносе посольства США из Тель-Авива в Иерусалим и заявления о заключении «сделки века», которая якобы положит конец палестино-израильскому противостоянию.

¹⁶ См.: Свешникова Ю.В. Хадж 2016: еще одна арена ирано-саудовского противостояния // Институт Ближнего Востока. 3 июля 2016. URL: <http://www.iimes.ru/?p=28951> (дата обращения: 13.08.2019).

На наш взгляд, подобные действия Эр-Рияда только усугубят раскол внутри «мира ислама», главным образом внутри его суннитской части, что является очередным свидетельством непредсказуемости политики наследного принца Мухаммада бин Сальмана, за которую Ближневосточный регион может поплатиться очередным усилением нестабильности. Однако этот вопрос уже выходит за рамки данной статьи и требует отдельного рассмотрения.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что хадж используется Саудовской Аравией не только в целях религиозной дипломатии, но также для экономического обогащения, а также оказания давления на своих политических оппонентов, в первую очередь на Иран.

Содействие международному развитию

Саудовская Аравия имеет прекрасную основу для оказания содействия развитию, поскольку она обладает большими запасами углеводородов, прежде всего нефти. Но при этом Королевство вынуждено обращаться к экономическим инструментам и политике «мягкой силы», с тем чтобы компенсировать недостаток военной мощи.

Эр-Рияд начал использовать доходы от продажи нефти на содействие развитию еще в 1970-е гг., и с тех сложилась система помощи, состоящая из двух элементов — официальной и неофициальной помощи развитию. В свою очередь, сформировались и группы стран, которым Саудовская Аравия направляет самые значительные объемы помощи: во-первых, это страны, граничащие с государствами Персидского залива, во-вторых, остальные арабские страны и, наконец, страны с мусульманским большинством. Таким образом, программы содействия развитию, реализуемые Саудовской Аравией, представляют собой сотрудничество по линии Юг—Юг.

Главными мотивами направления Эр-Риядом финансовой помощи развивающимся странам являются гуманитарные, религиозные соображения, внешнеполитические или дипломатические интересы, факторы, способствующие обеспечению национальной безопасности и внутренней стабильности, исламская солидарность, а также

интересы продвижения и развития собственного бизнеса. Таким образом, выделяются политические, экономические и религиозные цели проведения Эр-Риядом политики содействия развитию.

Политические цели Саудовской Аравии состоят в поддержке арабских стран, а также поддержании безопасности и стабильности в соседних регионах. Этими соображениями объяснялась помощь, оказываемая, например, Египту как одной из ключевых стран арабского мира. Только за период 1973—1979 гг. Эр-Рияд направил 7 млрд долл. США на восстановление экономики и армии Египта после «войны Судного дня» [Yi Li 2019: 117]. Саудовской Аравии было важно, чтобы Египет боролся с проявлениями радикального исламизма, который угрожал в том числе и стабильности саудовского режима. Кроме того, в 1970-е гг., вплоть до подписания Кэмп-Дэвидских соглашений, Египет играл ключевую роль в противостоянии Израилю, обеспечивая тем самым интересы арабских стран, в том числе Королевства.

Помощь, оказываемая в 1970-х гг. таким странам, как Алжир и Сирия, должна была содействовать укреплению двусторонних отношений с Эр-Риядом, усилить позиции ислама в этих странах, а также сделать правящие режимы в Алжире и Дамаске более гибкими и «сговорчивыми» в вопросах, касающихся внешней политики.

Ключевую роль в рамках реализации политики содействия развитию для Эр-Рияда играет Пакистан. Помимо давних культурных, экономических, военных, разведывательных связей и широких контактов в сфере безопасности Саудовская Аравия уделяет значительное внимание Пакистану в основном потому, что обе страны являются суннитскими и могут совместно противостоять шиитскому Ирану, который оспаривает первенство в «мире ислама» у Саудовской Аравии. В саудовско-иранском противостоянии Исламабад занимает особое место, поскольку Пакистан граничит с Ираном, разделяет с ним общие проблемы белуджского сепаратизма и нестабильности в Афганистане. Кроме того, в Пакистане проживает многочисленная шиитская община, которая рассматривается Эр-Риядом в качестве «пятой колонны» Ирана. Чтобы противостоять потенциальному влиянию Ирана, Саудовская Аравия потратила миллиарды долларов на поддержку ультраконсервативных сил в Пакистане [Dorsey 2018: 66].

В 1970-х и 1980-х гг. Пакистан получал больше помощи от Саудовской Аравии, чем от любой другой страны. В качестве ответного жеста в 1976 г. Пакистан пообещал Саудовской Аравии включить шариат в свою судебную систему.

За пределами арабского мира Саудовская Аравия проявляет особый интерес к странам Центральной Азии. Проникновение Эр-Рияда в данный регион стало возможным после распада Советского Союза; именно тогда Королевство начало проводить «панисламскую дипломатию» [Yi Li 2019: 117] в постсоветских республиках, главным образом посредством направления туда своих исламских деятелей и волонтеров для ведения образовательной и проповеднической деятельности. Саудовская Аравия финансировала строительство в центральноазиатских республиках мечетей и школ, через которые планировала распространять ханбалитский мазхаб и фундаменталистский ислам, базирующийся на учении М. ибн Абд аль-Ваххаба.

Здесь стоит подчеркнуть, что в странах Центральной Азии распространен ханафитский мазхаб, считающийся самым «мягким» и умеренным среди всех суннитских религиозно-правовых школ. По мнению автора, навязывание Саудовской Аравией чуждого странам региона ханбалитского мазхаба, а также проникновение в Центральную Азию турецких религиозных организаций («Хизмет», «Нурджулар»), «таблигизма» из Пакистана, шиизма из Ирана (главным образом это касается Таджикистана) приводит к изменению религиозного ландшафта региона, а также расколу внутри мусульманского сообщества на сторонников той или иной модели развития для Центральной Азии. Свое традиционное влияние утрачивает суфизм; внешние силы создают на свои средства новые «джамааты», которые призваны распространять религиозные воззрения своих спонсоров. Это также влечет за собой дальнейшее ослабление и без того неразвитой системы исламского образования в центральноазиатских республиках, делая местные муфтияты зависимыми от иностранных государств.

Согласно данным ежегодного отчета Саудовского фонда развития за 2018 г., на реализацию различных инфраструктурных проектов в Киргизии было направлено 393,75 млн риалов, в Таджикистане — 557,63 млн риалов, в Узбекистане —

349,5 млн риалов, в Казахстане — 45 млн риалов, в Туркменистане — 37,5 млн риалов¹⁷. Можно утверждать, что эти займы и инвестиции не только способствовали исламскому возрождению в Центральной Азии и национальному экономическому строительству, но также значительно усилили влияние Саудовской Аравии в Центральной Азии.

Экономические цели, которые преследует Саудовская Аравия, проводя политику содействия развитию, состоят, главным образом, в поддержке своей национальной валюты, поскольку займы выплачиваются и возвращаются только в саудовских риалах. Это, как отмечает Юи Ли, позволяет «уменьшить и избежать валютных потерь и рисков при конвертации иностранной валюты», «снизить инфляцию в Саудовской Аравии», а также способствует увеличению доли риала в международной системе резервных валют [Yi Li 2019: 118].

Еще одним важным фактором, делающим содействие развитию привлекательным для Эр-Рияда, является то, что, помимо финансирования развития частных предприятий в странах — реципиентах помощи, Саудовская Аравия также использует фонды помощи для поощрения инвестиций своих малых и средних предприятий в развивающиеся страны. Положения о поощрении экспорта включены в статьи устава Саудовского фонда развития, особенно в том, что касается финансирования и гарантий для несырьевого экспорта. Кроме того, поскольку Саудовская Аравия способна обеспечивать свою продовольственную безопасность за счет собственной продукции только на 20%, она заинтересована в содействии развитию в первую очередь тех стран, чьи экономики способны дополнить саудовскую экономику и помочь Королевству восполнить нехватку собственной сельскохозяйственной продукции.

Что касается *религиозных целей*, то Саудовская Аравия стремится закрепиться в роли лидера «мира ислама», используя для этого все свои ресурсы, в первую очередь нефтедоллары. Политика поддержки исламского фундаментализма в глобальном масштабе была взята на вооружение Саудовской Аравией в 1970-х гг., сразу же после

колоссального роста доходов от продажи нефти, начавшегося в результате «нефтяного шока» 1973 г. В рамках содействия развитию Королевство финансировало строительство мечетей и исламских центров по всему миру, о чем уже было сказано выше. Эти центры, руководимые проповедниками — фундаменталистами, становились «ретрансляторами» идей радикального исламизма, вдохновленного саудовским ваххабизмом.

С тех пор Саудовская Аравия не прекращала проводить политику поддержки глобального движения исламского фундаментализма, осуществляя финансирование различных исламистских группировок через многочисленные негосударственные фонды, которые зачастую даже невозможно связать с Саудовской Аравией. Здесь в качестве яркого примера вновь выступает Центральная Азия, где идеология ваххабизма (разумеется, без включения в нее веры в священность союза между династиями Аль Сауд и аль-Ваххаб) служит религиозным прикрытием для экстремистских организаций. Не случайно первые исламисты Узбекистана появились в стране именно в Ферганской долине, где очень сильные позиции долгое время занимают сторонники ваххабитского учения [Khalid 2014: 165].

Основой официальной помощи развитию является Организация экономического сотрудничества и развития, инструменты которой использует и Саудовская Аравия, что позволяет Эр-Рияду поддерживать дружественные отношения со странами Запада, взаимодействуя с ними в рамках содействия международному развитию. Однако в данной организации Эр-Рияд не может полностью реализовать свои цели и интересы, о которых было сказано выше, поэтому королевская семья активно прибегает к неофициальным каналам помощи.

Средства, направляемые Саудовской Аравией на содействие развитию, идут напрямую в страны Азии и Африки. Китайский исследователь Юи Ли (Шанхайский университет) отмечает, что, согласно имеющимся данным, в период с 2010 по 2015 г. более 13,1 млрд долл. США поступило из Саудовской Аравии в страны Азии, что составляет около 91% всей иностранной помощи Королевства; 2% средств было направлено в африканские страны, остальные деньги пошли в развивающиеся страны других регионов [Yi Li 2019: 113]. Средства

¹⁷ 2018 Annual Report // Saudi Fund for Development official website. URL: <https://www.sfd.gov.sa/documents/20143/84927/2018-EN-AnnualReport.pdf/cc7c9d4b-3903-0bf4-3a7c-67f68d7b0cee> (accessed: 04.09.2019).

направляются главным образом на развитие социальной и экономической инфраструктуры, списание долгов, развитие производств и сферы услуг, а также на гуманитарную помощь.

Саудовская Аравия не имеет единой четко разработанной стратегии оказания содействия развитию. Все инициативы, как правило, исходят от королевской семьи и поручаются для реализации правительственным учреждениям, часто возглавляемым представителями той же правящей фамилии.

Координирует программы содействия развитию уже упоминавшийся Саудовский фонд развития (Saudi Fund for Development, SFD)¹⁸, созданный в 1974 г. Данный фонд, являясь единственным официальным учреждением по предоставлению помощи развитию, ежегодно публикует отчеты о своей деятельности. Его основные обязанности заключаются в реализации проектов Саудовской Аравии в области содействия развитию в форме ссудных субсидий, кредитов и гарантий экспорта саудовских нефтепродуктов путем предоставления кредитов проектам в развивающихся странах, а также финансовых и страховых услуг. Это также должно содействовать продвижению собственного нефтепродукта Королевства. Фонд сотрудничает напрямую с правительствами развивающихся стран.

Согласно опубликованным данным, за все время своего существования Саудовский фонд развития предоставил 665 займов на общую сумму 55 млрд риалов, профинансировав 692 проекта развития в 82 развивающихся странах¹⁹. Особое внимание фонд уделяет развитию энергетики развивающихся стран: так, в 2008 г., в разгар международного экономического кризиса, Саудовская Аравия учредила фонд в размере 1 млрд долл. США для смягчения кризиса в развивающихся странах, связанного с колебанием цен на нефть, предоставив бедным странам 50 млн долл. США в виде льготных кредитов для финансирования их проектов развития новых технологий в энергетике [Yi Li 2019: 115].

В табл. 1 приведены совокупные размеры займов странам «мира ислама» за период с 1975 по 2018 г.

Приведенные в табл. 1 данные подтверждают, что в течение нескольких десятилетий Египет был бесспорным лидером по объемам помощи, направляемой Королевством в рамках программ содействия развитию. Мы также видим в верхней части «рейтинга» страны, представляющие приоритет для Саудовской Аравии с точки зрения обеспечения региональной безопасности, продовольственной безопасности (Судан), а также государства, являющиеся главными партнерами Эр-Рияда по противодействию Израилю (Египет, Тунис, Марокко) и Ирану (Пакистан).

Выдача займов Саудовским фондом развития осуществляется при соблюдении следующих условий: проект, финансируемый за счет займа, должен приносить экономические или социальные выгоды стране-получателю; кредит выплачивается и погашается в саудовских риалах; сумма кредита не должна превышать 5% от общего капитала фонда; общая сумма кредитов, предоставленных одной и той же стране в течение того же периода времени, не должна превышать 10% общего бюджета фонда²⁰.

Хотя в Уставе Саудовского фонда развития четко указано, что оказание помощи развитию осуществляется независимо от географической близости страны-реципиента и вероисповедания ее населения, по крайней мере три четверти списка получателей саудовской помощи составляют страны с мусульманским большинством. В 1975 г. Саудовская Аравия и другие мусульманские страны создали Исламский банк развития (ИБР) со штаб-квартирой в Джидде, предоставляющий беспроцентные займы и безвозмездную финансовую поддержку мусульманским странам мира. Саудовская Аравия взяла на себя более 90% первоначального фонда банка, что составило порядка 900 млн долл. США [Wang, Lin 2000: 178]. Это послужило прекрасным стимулом для развития институтов исламской экономики по всему миру. С тех пор Саудовская Аравия постепенно вкладывает в нее крупные суммы денег, что делает Королевство важным каналом влияния на мусульманские страны по всему миру.

¹⁸ Saudi Fund for Development official website. URL: <http://www.sfd.gov.sa> (accessed: 04.09.2019).

¹⁹ SFD Activity Summary // Saudi Fund for Development official website. URL: <https://www.sfd.gov.sa/en/web/guest/countries> (accessed: 04.09.2019).

²⁰ Statutory Framework // Saudi Fund for Development official website. URL: <https://www.sfd.gov.sa/en/web/guest/sfd-information> (accessed: 04.09.2019).

Таблица 1 / Table 1

**Размеры помощи, осуществляемой Саудовской Аравией странам «мира ислама»
в рамках содействия развитию (1975—2018 гг.) /
Amount of assistance provided by Saudi Arabia to countries of the Islamic world
in the framework of development assistance (1975—2018)**

№ п/п	Страна / Country	Сумма, млн риалов / Amount, SR mln
1	Египет / Egypt	8 862,53
2	Тунис / Tunisia	4 127,8
3	Судан / Sudan	3 068,15
4	Марокко / Morocco	2 608,00
5	Пакистан / Pakistan	2 590,41
6	Сирия / Syria	2 303,84
7	Йемен / Yemen	2 140,09
8	Мавритания / Mauritania	1 969,85
9	Иордания / Jordan	1 777,38
10	Алжир / Algeria	1 270,97
11	Узбекистан* / Uzbekistan	1 035,85
12	Джибути / Djibouti	1 031,48
13	Ливан / Lebanon	1 020,00
14	Бахрейн / Bahrain	623,76
15	Таджикистан* / Tajikistan	557,63
16	Афганистан / Afghanistan	442,50
17	Киргизия* / Kyrgyzstan	393,75
18	Азербайджан* / Azerbaijan	376,95
19	Сомали / Somalia	352,60
20	Оман / Oman	274,18
21	Коморские о-ва / Comoros	220,25
22	Казахстан* / Kazakhstan	45,00
23	Туркменистан* / Turkmenistan	37,50

* Данным странам помощь в рамках программ содействия развитию начала осуществляться позднее, с 1991 г., после распада СССР, поэтому объемы их финансирования существенно меньше.

Источник / Source: составлено автором по данным ежегодного отчета Саудовского фонда развития (2018 г.). 2018 Annual Report // Saudi Fund for Development official website. URL: <https://www.sfd.gov.sa/documents/20143/84927/2018-EN-AnnualReport.pdf/cc7c9d4b-3903-0bf4-3a7c-67f68d7b0cee> (accessed: 04.09.2019).

Среди учреждений, принимающих решения по вопросам помощи развитию, также необходимо выделить Министерство иностранных дел, Министерство финансов (в частности, его Департамент международного сотрудничества в целях развития) и Кабинет министров, который, как отмечает Юи Ли, уполномочен «выдавать лицензионные платежи для управления помощью развитию в соответствии со статьей 7 Королевского указа № М / 48» [Yi Li 2019: 114].

В процесс оказания помощи развитию вовлечено также саудовское Управление Красного Полумесяца, имеющее тесные связи с правительством Королевства и, в отличие от Международного Комитета Красного Креста, не являющееся независимым от государства, в котором базируется. Фактически Управление Красного Полумесяца является квазигосударственной структурой.

Помощь развитию реализуется также через государственные сектора экономики и комитет по оказанию помощи, которые осуществляют благотворительную деятельность на основании королевских указов.

Существует также Королевский фонд, который управляется непосредственно королевским двором. Помимо этого многие отдельные члены правящей династии Аль Сауд открывают свои благотворительные фонды, такие как, например, Фонд аль-Валида (Al-Waleed Foundation), официально учрежденный в 2015 г. и возглавляемый Валидом бин Талалом. К основным сферам деятельности данного фонда относятся искоренение бедности, развитие межкультурной коммуникации, помощь женщинам и молодежи в поиске работы, помощь по преодолению последствий стихийных бедствий, развитие здравоохранения и т.д.

**Саудовские фонды, вовлеченные в программы содействия развитию /
Saudi funds involved in Development Assistance programs**

№ п/п	Название фонда / Name of the fund	Заявленный тип фонда / Declared type of fund	Сферы деятельности / Areas of activity	Веб-сайт / Website
1	Abdulrehman Saleh Al Rajhi & Family Foundation	Неправительственный / Non-Governmental	Развитие, образование, религия, семья, финансовая помощь, здоровье, население, развитие навыков, социальная сфера / Development, Education, Faith-Based, Family, Funding, Health, Skills Development, Social	http://alrajhicharity.org
2	Al-Waleed bin Talal Foundation	Неправительственный / Non-Governmental	Культура, развитие, борьба с последствиями бедствий, религия, образование, финансовая помощь, здоровье, гуманитарная помощь, население, социальная сфера / Cultural, Development, Disaster, Education, Faith-Based, Funding, Health, Humanitarian, People, Social	http://www.alwaleedphilanthropies.org
3	Arab Gulf Program for United Nations Development Organizations	Неправительственный / Non-Governmental	Дети, культура, развитие, образование, население, развитие навыков, женщины, молодежь / Children, Cultural, Development, Education, People, Skills Development, Women, Youth	http://www.agfund.org
4	King Faisal Foundation	Неправительственный / Non-Governmental	Развитие, социальная сфера / Development, Social	http://www.kff.com
5	MiSK Foundation	Неправительственный / Non-Governmental	Защита прав человека, культура, развитие, образование, СМИ, развитие навыков, социальная сфера / Advocacy, Cultural, Development, Education, Media, Skills Development, Social	http://misk.org.sa
6	Saudi Arabian Red Crescent Society	Неправительственный / Non-Governmental	Развитие, работа с людьми с ограниченными возможностями, преодоление последствий эпидемий и бедствий, образование, здоровье, медицинская помощь, поддержка пациентов, развитие навыков, устойчивое развитие / Development, Disabilities, Diseases and Disorders, Education, Health, Medical, Patient Support, Skills Development, Sustainability	http://www.srca.org.sa
7	Saudi Fund for Development	Правительственный / Governmental	Развитие, финансовая помощь, торговля / Development, Funding, Trade	http://www.sfd.gov.sa
8	World Assembly of Muslim Youth	Неправительственный / Non-Governmental	Культура, развитие, религия, население, развитие навыков, молодежь / Cultural, Development, Faith-Based, People, Skills Development, Youth	http://www.wamy.org/

Источник / Source: составлено автором

В табл. 2 приведен полный список фондов Саудовской Аравии, занимающихся помощью развитию с акцентом на различные проблемы.

Важно отметить, что автором были выделены только те фонды, информация о которых достаточно прозрачна и которые публично заявляют о своем участии в финансировании различных проектов за рубежом. Из списка исключены неправительственные организации, создание которых было инициировано или поддержано Саудовской Аравией (например, Организация исламских столиц и городов, оказывающая содействие развитию городской инфраструктуры в различных странах «мира ислама»), а также неправительственные организации типа Всемирной мусульманской лиги, информация о финансировании которой не поддается никакой проверке.

Из табл. 2 ясно, что все организации, кроме Саудовского фонда развития, заявлены как негосударственные, хотя выше мы отметили, что создание каждой из них было инициировано либо членом правящей династии, либо влиятельным человеком, приближенным ко двору, и закреплено соответствующим указом короля. Деятельность же всех фондов координирует Саудовский фонд развития и непосредственно основатель конкретного фонда.

Таким образом, мы приходим к выводу, что содействие международному развитию, осуществляемое Саудовской Аравией в рамках политики «мягкой силы», направлено не только на реализацию исламского принципа справедливости и равномерного распределения благ, но, в первую очередь, на усиление собственного авторитета в различных регионах мира, возрастание влияния на внутренние дела ключевых для Эр-Рияда государств, а также на препятствование деятельности конкурентов (главным образом Ирана, а также Турции) по укреплению собственных позиций в «мире ислама».

Ограничения саудовской модели развития для «мира ислама»

Исходя из вышесказанного, к основным достоинствам саудовской модели развития для «мира ислама» можно отнести, во-первых, успешность модернизации, естественным источником которой послужила нефть; во-вторых, привлекательность саудовского охранительного (в отно-

шении арабских монархий) или умеренного и прагматичного (в глобальном масштабе) внешнеполитического курса; в-третьих, строгое следование Саудовской Аравией исламской традиции в общественно-политической жизни.

Однако у саудовской модели есть и существенные недостатки, которые представляются непреодолимыми. Все они, можно сказать, являются оборотной стороной указанных достоинств. Так, «нефтяной» тип модернизации ограничивает круг стран, которые могут прибегнуть к адаптации саудовского опыта экономического развития. Внешнеполитический курс Эр-Рияда страдает увлеченностью двойными стандартами и предвзятым отношением к целому ряду государств, имеющих недостаточно близкие (по меркам саудовского руководства) отношения с США. Наконец, ваххабитский толк суннитского ислама, столь активно продвигаемый Королевством, отталкивает многие государства от обращения к саудовской модели функционирования государства своей чрезмерной суровостью и фанатичностью методов его имплементации.

С целью преодоления указанных ограничений наследный принц Мухаммад бин Сальман инициировал целый ряд реформ, представленных в документе «Видение Королевства Саудовская Аравия 2030» (Vision 2030). Главным результатом реформ должно стать лидирующее положение Королевства в мире. План предусматривает диверсификацию экономики за счет развития сферы обслуживания, банковских услуг и финансового консалтинга, туризма, возобновляемых источников энергии, а также горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. В общественной жизни предлагается развивать «живое общество» и «амбициозную нацию», продолжая курс на либерализацию общественной жизни в стране²¹.

Что касается ислама, то в рамках «Видения 2030» его роль не умалается, однако акцент делается на исламе «умеренности, терпимости, величия, дисциплины, справедливости и прозрачности»²². Это означает, что государство стремится

²¹ Saudi Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/node> (accessed: 05.09.2019).

²² Saudi Vision 2030. P. 15. URL: https://www.vision2030.gov.sa/sites/default/files/report/Saudi_Vision2030_EN_2017.pdf (accessed: 05.09.2019).

контролировать религию, не допуская радикализации взглядов улемов и рядовых мусульман.

Мухаммад бин Сальман отрицает ваххабитскую природу саудовского государства, позиционируя ваххабизм как идеологию, стоящую на службе экстремистски настроенной оппозиции правящему режиму. Кроме того, Эр-Рияд сократил поддержку таким группировкам, как «Джабхат ан-нусра». Однако на этот счет не стоит обольщаться, поскольку данный шаг был осуществлен для того, чтобы, во-первых, улучшить имидж Королевства в глазах мирового сообщества, и главным образом — Соединенных Штатов, а во-вторых, «сбросить балласт» в лице нежелательных союзников после того, как они потерпели поражение в Сирии и не помогли в реализации саудовских интересов в этой стране.

Таким образом, мы наблюдаем две стратегии в отношении ваххабизма. Первая — для «внутреннего пользования», служит для сдерживания влияния улемов на правящий режим, ведь именно улемы являются той силой, которая может препятствовать реализации шагов по дальнейшей модернизации саудовского общества. При этом важно, что в рамках данной стратегии не происходит коренных изменений в системе исламского образования в стране, то есть в учебных заведениях, как и раньше, преподается ваххабитская трактовка ислама, что позволяет сохранить базовые ценностные установки саудовцев в их традиционном виде.

Вторая стратегия — «экспортная»: Саудовская Аравия по-прежнему распространяет исламский фундаментализм и ханбалитский мазхаб, которые насаждаются даже там, где традиционно распространен умеренный ханафитский мазхаб, например, в Центральноазиатском регионе. И мы убеждены, что если судьба «внутренней стратегии» полностью зависит от того, останется ли у власти Мухаммад бин Сальман после смерти короля Сальмана, то «экспортная стратегия» сохранится в арсенале внешнеполитических инструментов Эр-Рияда в долгосрочной перспективе, поскольку она отвечает интересам Королевства и позволяет контролировать «мир ислама» в политическом, духовном и интеллектуальном плане.

«Перестройка» в Саудовской Аравии, начатая Мухаммадом бин Сальманом, как и в целом политика и личность наследного принца, была

неоднозначно воспринята населением Королевства. Молодежь, составляющая порядка 60% саудовских подданных, преимущественно поддерживает изменения, направленные на расширение доступа к достижениям западной цивилизации, таким как кинематограф и музыка. Этого не скажешь о старшем поколении, которое с настороженностью относится к изменению положения улемов в стране и принятым мерам по либерализации общества. При этом большинство населения разочаровалось в Мухаммаде бин Сальмане как военном руководителе после неудачной операции против йеменских хуситов, а также усмотрело в нем наклонности диктатора после убийства журналиста Дж. Хашогги, которое вызвало серьезный общественный резонанс.

Исходя из вышесказанного, автор видит два возможных сценария развития событий в Королевстве.

Первый сценарий предусматривает сохранение у власти Мухаммада бин Сальмана и восшествие его на саудовский трон после смерти короля Сальмана. Это будет означать продолжение курса на либерализацию Королевства, но только до тех пор, пока это выгодно и позволяет улучшать международный имидж Саудовской Аравии. Данный сценарий представляется менее вероятным, так как целый ряд влиятельных саудовских принцев уже объединились против наследного принца и заявляют о намерении свергнуть его, но только после кончины нынешнего правителя. Кроме того, курс наследного принца не получает абсолютной поддержки у населения страны.

Второй сценарий как раз предполагает свержение Мухаммада бин Сальмана, что приведет к свертыванию его внутривосточного курса и возвращению к традиционным взаимоотношениям между правящей династией и улемами. Сохранятся только те нововведения, которые направлены на диверсификацию саудовской экономики и развитие тех сфер, которые позволят Королевству как можно скорее «слезть с нефтяной иглы», поскольку данные планы имелись у саудовского руководства и до возвышения Мухаммада бин Сальмана. Подобный сценарий представляется автору более реальным.

В Саудовской Аравии легитимность королевской власти основывается на личном авторитете монарха, на традиции и ваххабизме, который,

обеспечив успех объединительной политики основателя государства Абдель Азиза Аль Сауда, из идеологии трансформировался в элемент политического механизма государственной политики. Именно ваххабизм является основным условием выживания политического режима в Саудовской Аравии, он освящает именем Аллаха и придает законную силу решениям правящей династии. В общественно-политической сфере для ваххабизма характерны социальная гармония, братство и единство мусульман, осуждение стяжательства. Однако в борьбе со своими политическими противниками ваххабиты проявляют крайний фанатизм.

Хотя исламистские фундаменталистские организации — пока они не провозглашают борьбу против правящего режима Саудовской Аравии — продолжают получать помощь из Эр-Рияда, мож-

но наблюдать, как внешняя политика Саудовской Аравии после событий «арабской весны» стала более прагматичной и менее зависимой от ислама. В политике содействия международному развитию, на первый взгляд, также сместились акценты — с помощи исламистским организациям (религиозные цели) на содействие преодолению разрыва между богатыми и бедными странами (экономические цели). Однако обольщаться здесь не стоит, потому что ряд внешнеполитических шагов, предпринятых наследным принцем Мухаммадом бин Сальманом, может нивелировать все положительные последствия указанных изменений. Более того, деятельность наследника саудовского престола уже привела к росту конфликтности (главным образом вокруг Катара и Йемена) и напряженности в «мире ислама» и обострению гонки за региональное лидерство.

Поступила в редакцию / Received: 06.09.2019

Принята к публикации / Accepted: 03.10.2019

Библиографический список

- Валиахметова Г.Н.* Исламский фактор в мировой политике. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013.
- Васильев А.М.* История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX в.). М.: Классика плюс, 1999.
- Делонг-Ба Н.* Реформы Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба и всемирный джихад. М.: Ладомир, 2010.
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: власть, улемы и антисистемная оппозиция (богословско-политический ответ противникам режима) // Россия и мусульманский мир. 2013а. № 1 (247). С. 127—158.
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: политические процессы 1990-х — 2000-х гг. М.: Институт Ближнего Востока, 2013б.
- Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Внешняя политика Саудовской Аравии. М.: ИИИиБВ, 2003.
- Наумкин В.В.* Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. М.: Аспект Пресс, 2018.
- Яковлев А.И.* Модернизация Саудовской Аравии: итоги и перспективы в начале XXI века // Восточная аналитика. Ежегодник 2011: Экономика и политика стран Востока. М.: ИВ РАН, 2011. С. 48—58.
- Al-Ali H.I.* Mabadia wa akhdaf al-siyasa al-kharijiya al-saudiya. Al-mustawa al-khalijiy, al-islamiy, al-duwaliy// Al-Siyasa al-kharijiya lil-mamlaka al-arabiya al-saudiya fi miat amm [Principles and Goals of Saudi Foreign Policy: Gulf Region, Islamic World, International Community // Kingdom of Saudi Arabia's Foreign Policy for a Hundred Years]. Riyadh, 1419 H. / 1998. (На араб. яз.).
- Al-Rasheed M.* A History of Saudi Arabia. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Al-Rasheed M.* Contesting the Saudi State: Islamic Voices from a New Generation. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Amghar S.* The Muslim World League in Europe: An Islamic Organization to Serve the Saudi Strategic Interests? // Journal of Muslims in Europe. 2012. No. 1. P. 127—141. DOI: 10.1163/22117954-12341234
- Bianchi R.R.* Guests of God. Pilgrimage and Politics in Islamic World. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Cones P.* The Saudi Terror Machine. The Truth about Radical Islam and Saudi Arabia Revealed. Delaware: Skyhorse Publishing, 2018.
- Dorsey J.* Pakistan's Lurch towards Ultra-Conservatism Abetted by Saudi-Inspired Pyramid Scheme // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2018. Vol. 12. No. 1. P. 66—88. DOI: 10.1080/25765949.2018.1439618
- Ekhtiari Amiri R., Binti Ku Samsu K.H., Fereidouni H.G.* The Hajj and Iran's Foreign Policy towards Saudi Arabia // Journal of Asian and African Studies. 2011. Vol. 46. No. 6. P. 678—690. DOI: 10.1177/0021909611417546
- Ekhtiari Amiri R., Soltani F.* Iraqi Invasion of Kuwait as Turning Point in Iran-Saudi Relationship // Journal of Politics and Law. 2011. Vol. 4. No. 3. P. 188—195. DOI:10.5539/jpl.v4n1p188
- Gallarotti G., Al-Filali I.Y.* Saudi Arabia's Soft Power // International Studies. 2012. Vol. 49. No. 3—4. P. 233—261. DOI: 10.1177/0020881714532707
- Khalid A.* Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia. University of California Press, 2014.

- Lunn J. History // The Middle East and North Africa. 49th Edition. London: Routledge, 2003. P. 943—979.
- Salman's Legacy. The Dilemmas of a New Era in Saudi Arabia / Ed. by M. Al-Rasheed. Oxford University Press, 2018.
- Smith Diwan K. Sovereign Dilemmas: Saudi Arabia and Sovereign Wealth Funds // Geopolitics. 2009. Vol. 14. No. 2. P. 345—359. DOI: 10.1080/14650040902827831
- Wang T., Lin S. General History of the Middle East: Saudi Arabia. Beijing: The Commercial Press, 2000.
- Yi Li. Saudi Arabia's Economic Diplomacy through Foreign Aid: Dynamics, Objectives and Mode // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 110—122. DOI: <https://doi.org/10.1080/25765949.2019.1586367>

References

- Al-Ali, H.I. (1998). Mabadia wa akhdaf al-siyasa al-kharijiyi al-saudiya. Al-mustawa al-khalijiy, al-islamiy, al-duwaliy. In: *Al-Siyasa al-kharijiyi lil-mamlaka al-arabiya al-saudiya fi miat amm* [Principles and Goals of Saudi Foreign Policy: Gulf Region, Islamic World, International Community. In: *Kingdom of Saudi Arabia's Foreign Policy for a Hundred Years*]. Riyadh. (In Arabic).
- Al-Rasheed, M. (2007). *Contesting the Saudi State: Islamic Voices from a New Generation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Al-Rasheed, M. (2010). *A History of Saudi Arabia*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Al-Rasheed, M. (Eds.). (2018). *Salman's Legacy. The Dilemmas of a New Era in Saudi Arabia*. Oxford University Press.
- Amghar, S. (2012). The Muslim World League in Europe: An Islamic Organization to Serve the Saudi Strategic Interests? *Journal of Muslims in Europe*, 1, 127—141. DOI: 10.1163/22117954-12341234
- Bianchi, R.R. (2004). *Guests of God. Pilgrimage and Politics in Islamic World*. Oxford: Oxford University Press.
- Conesa, P. (2018). *The Saudi Terror Machine. The Truth about Radical Islam and Saudi Arabia Revealed*. Delaware: Skyhorse Publishing.
- Delong-Bas, N. (2010). *Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad*. Moscow: Ladomir publ. (In Russian).
- Dorsey, J. (2018). Pakistan's Lurch towards Ultra-Conservatism Abetted by Saudi-Inspired Pyramid Scheme. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 12 (1), 66—88. DOI: 10.1080/25765949.2018.1439618
- Ekhtiari Amiri, R. & Soltani, F. (2011). Iraqi Invasion of Kuwait as Turning Point in Iran-Saudi Relationship. *Journal of Politics and Law*, 4 (3), 188—195. DOI:10.5539/jpl.v4n1p188
- Ekhtiari Amiri, R., Binti Ku Samsu, K.H. & Fereidouni, H.G. (2011). The Hajj and Iran's Foreign Policy towards Saudi Arabia. *Journal of Asian and African Studies*, 46 (6), 678—690. DOI: 10.1177/0021909611417546
- Gallarotti, G. & Al-Filali, I.Y. (2012). Saudi Arabia's Soft Power. *International Studies*, 49 (3—4), 233—261. DOI: 10.1177/0020881714532707
- Khalid, A. (2014). *Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia*. University of California Press.
- Kosach, G.G. & Melkumyan, E.S. (2003). *Foreign Policy of Saudi Arabia*. Moscow: IIIiBV publ. (In Russian).
- Kosach, G.G. (2013a). Saudi Arabia: Power, Ulama and Anti-Systemic Opposition (Theological and Political Response to Opponents of the Regime). *Russia and the Muslim World*, 1 (247), 127—158. (In Russian).
- Kosach, G.G. (2013b). *Saudi Arabia: Political Processes of the 1990s — 2000s*. Moscow: Institut Blijnego Vostoka publ. (In Russian).
- Lunn, J. (2003). History. In: *The Middle East and North Africa*. 49th Edition. London: Routledge. P. 943—979.
- Naumkin, V.V. (2018). *Failed Partnership. Soviet Diplomacy in Saudi Arabia between World Wars*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Smith Diwan, K. (2009). Sovereign Dilemmas: Saudi Arabia and Sovereign Wealth Funds. *Geopolitics*, 14 (2), 345—359. DOI: 10.1080/14650040902827831
- Valiakmetova, G.N. (2013). *Islamic Factor in World Politics*. Yekaterinburg: Uralskiy universitet publ. (In Russian).
- Vassiliev, A.M. (1999). *The History of Saudi Arabia (1745 — End of 20th Century)*. Moscow: Klassika plus publ. (In Russian).
- Wang, T. & Lin, S. (2000). *General History of the Middle East: Saudi Arabia*. Beijing: The Commercial Press.
- Yakovlev, A.I. (2011). Modernization of Saudi Arabia: Results and Prospects at the Beginning of the 21st Century. In: *Eastern Analytics. Yearbook 2011: Economics and Politics of the East*. Moscow: IV RAN publ. P. 48—58. (In Russian).
- Yi Li. (2019). Saudi Arabia's Economic Diplomacy through Foreign Aid: Dynamics, Objectives and Mode. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 13 (1), 110—122. DOI: <https://doi.org/10.1080/25765949.2019.1586367>

Сведения об авторе: Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru).

About the author: Chikrizova Olga Sergeevna — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru).